

УДК 343.97; 338.46

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(3).330-337

УСЛУГИ ЧАСТНОГО ИНФОРСМЕНТА — ПРЕВЕНТИВНАЯ РОЛЬ ИЛИ КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ (СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Н.В. Полякова, В.В. Поляков, В.С. Кряжев, А.П. Кряжева

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
19 декабря 2017 г.

Дата принятия в печать
25 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения
18 июня 2018 г.

Ключевые слова

Инфорсмент; институт; принуждение; коммерческая услуга; силовые предприниматели; вымогательство; преступная деятельность

Аннотация. Частный инфорсмент как механизм обеспечения прав собственности и договорных обязательств осуществляется посредством принуждения через оказание коммерческих услуг. Услуги частного инфорсmenta реализуются силовыми предпринимателями, применяющими и адаптирующими различные практики. Эти услуги закономерно исследовать с разных точек зрения, в том числе правовой, экономической и социологической. В статье разъясняется необходимость рассмотрения инфорсmenta как механизма принуждения к выполнению обязательств с учетом его институциональной сущности. В этом качестве инфорсмент является механизмом, обеспечивающим выполнение институтами своей роли. В рамках института сохранение устойчивости взаимодействия между субъектами возможно только в случае, когда определены правила игры или наложены ограничения. Инфорсмент с помощью принуждения добывается от субъектов выполнения своих обязательств, определенных формальными и неформальными правилами игры. В то же время в развитом обществе услуги инфорсmenta несут в себе институциональные признаки, поскольку сами реализуются на основе как формальных правил взаимоотношений (например, по договору), так и неформальных, опирающихся на традиционную культуру и практики. Выделены и охарактеризованы четыре вида инфорсmenta. Первый — самоинфорсмент; возникает между контрагентами, которые заинтересованы в соблюдении условий договора. Второй — групповой инфорсмент; применяется предпринимательскими ассоциациями или саморегулируемыми организациями при уклонении от обязательств, в этом случае нарушитель подвергается различным санкциям (исключение из организации, потеря репутации и т.д.). Третий — государственный инфорсмент; реализуется через государственную юридическую систему. Четвертый — частный инфорсмент; осуществляется специальными структурами или частными лицами в форме услуг. Выявлены особенности развития услуг частного инфорсmenta в России. Данные услуги могут иметь действительный или фиктивный характер, они могут содержать элементы явного или скрытого принуждения. Применяемые в отношении нарушителя действия по принуждению к выполнению обязательств носят различный характер — правовой, экономический, неэкономический и пр. Частный инфорсмент при определенных условиях может выступать в качестве инструмента деятельности криминальных структур. При исследовании проблемы частного инфорсmenta с криминологических позиций значимым представляется установление причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний.

PRIVATE ENFORCEMENT SERVICES — A PREVENTIVE OR A CRIMINOGENIC FACTOR FOR ECONOMIC CRIMES (A SOCIO-ECONOMIC AND LEGAL ANALYSIS)

Nina V. Polyakova, Vladimir V. Polyakov, Vladimir S. Kryagev, Alena P. Kryageva

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
2017 December 19

Accepted
2018 May 25

Available online
2018 June 18

Abstract. Private enforcement as a mechanism of protecting property rights and contract obligations consists in the use of coercion and is a paid service. Private enforcement is provided by security services' entrepreneurs, who use and adapt different practices. These services should be studied from different perspectives, including legal, economic and sociological ones. The authors explain why it is necessary to examine enforcement as a mechanism of forcing to fulfill obligations while taking into account its institutional essence. In this respect, enforcement is a mechanism that ensures that institutions fulfill their roles. Within institutional framework, sustainable relationships between subjects are only possible if the rules of the game are clearly defined or if the limitations have been set. Enforcement through coercion makes the subjects fulfill their obligations de-

Keywords

Enforcement; institution; coercion; commercial service; security services' entrepreneurs; extortion; criminal activity

terminated by formal or informal rules of the game. At the same time, in a developed society the services of enforcement have institutional characteristics because they are themselves based on both formal rules of interaction (for example, an agreement) and informal ones arising from traditional culture and practices. The authors single out and describe four types of enforcement. The first one is self-enforcement; it is present between the contractors who are interested in observing the conditions of the contract. The second one is group enforcement; it is used by entrepreneurs' associations or self-regulating organizations when a party fails to observe its obligations, in which case the violator is subject to various sanctions (expulsion from an organization, reputational losses, etc.). The third type is state enforcement; it is implemented through the state legal system. The fourth type is private enforcement; such services are carried out by special structures or private persons. The authors also identify the specific features of the development of private enforcement in Russia. These services could be effective or fictitious; they could contain the elements of overt or covert coercion. The coercion measures used to force the violator to fulfill the obligations could be different — legal, economic, non-economic, etc. Under certain circumstances private enforcement could be an instrument of criminal groups. When researching the problems of private enforcement from criminological standpoint, it is important to determine the causes and conditions that contribute to unlawful actions.

Инфорсмент (enforcement) — это сложное явление, присущее всей институциональной среде. В переводе с английского enforcement означает «принуждение, давление». В широком смысле инфорсмент рассматривается как необходимый механизм, действующий с целью обеспечения следования правилам для функционирования любого института. В более узком смысле это набор практик, в основе которых лежит принуждение, обеспечивающее выполнение участниками своих обязательств. Я.И. Кузьминов, один из авторов классического учебника по институциональной экономике, определяет институт (экономический, социальный, культурный) как совокупность правил игры в обществе, дополненную механизмом принуждения к их исполнению [1, с. 89]. Например, в рамках отношений между хозяйствующими субъектами инфорсмент применяется участниками для защиты прав собственности, обеспечения выполнения обязательств по контракту и т.д. По мнению Е.А. Панфиловой, «в каждой институциональной сфере инфорсмент выполняет как общие функции в качестве структурного элемента институциональной среды, так и специфические функции, связанные с особенностью реализации интересов экономических субъектов в определенных ситуациях и взаимодействиях друг с другом» [2, с. 109].

Инфорсмент, принуждая к следованию правилам, фактически обеспечивает выполнение институтами своей роли. По мнению лауреата Нобелевской премии и классика институционализма Дугласа Норта, главная роль институтов заключается «в уменьшении неопределенно-

сти путем установления устойчивой структуры взаимодействия между людьми» [3, с. 21]. Организация такого взаимодействия между людьми возможна в случае, когда определены правила игры, или ограничительные рамки в обществе (сообществе) [там же, с. 17]. Е.В. Попов подчеркивает роль правил в обеспечении определенной свободы поведения людей: они «образуют набор ограничений, внутри которых экономический агент свободен и может поступать так, как подсказывает ему его интуиция, желания и интересы» [4, с. 61]. Д. Норт также отмечал, что от соблюдения «правил игры» участниками экономических отношений зависит уровень транзакционных и трансформационных издержек [3, с. 20–21].

Норт рассматривает институт как системное образование, которое включает в себя все формы формальных (по выражению автора, «правила, придуманные людьми») и неформальных («общепринятые условности и кодексы поведения») ограничений [там же, с. 18]. Ученый ставит в центр внимания понятие «правила игры» в качестве «основополагающего элемента институциональных отношений» [2, с. 110]. В этом контексте инфорсмент не является самостоятельным субъектом изучения, а рассматривается как неотъемлемая часть понятия «правила игры» с учетом необходимости принуждения к выполнению этих самых правил. Сильной стороной нортского подхода, несомненно, является раскрытие институциональной сущности инфорсмента. Однако это скрывает, оставляя в тени, важность самостоятельного исследования инфорсмента, его особых институциональных

характеристик и последствий функционирования. В результате отдельное рассмотрение этого явления практически отсутствует в специальной литературе.

При анализе роли инфорсмент Е.А. Панфилова отмечает: многие авторы считают, что «инфорсмент не является отдельным институтом, а выступает как инфраструктурный элемент институциональных отношений» [2, с. 110]. При этом инфорсменту фактически отводится техническая роль, и он трактуется как набор различных практик или действий определенных организаций, их квалификация, цель которых — следить за нарушением правил и при необходимости применять санкции вне общего контекста отношений. С нашей точки зрения, при таком подходе теряется институциональная природа инфорсмента (связь с правилами игры), так как любые действия или практики не существуют отдельно от процессов, в основе которых лежат отношения между субъектами (людьми, организациями).

Представляется, что инфорсмент как явление нужно рассматривать как совокупность практик по принуждению к выполнению обязательств, однако с учетом его институциональной сущности. Это явление функционирует на основе формальных правил взаимоотношений (например, по договору), а также неформальных правил, опирающихся на традиционную культуру, следовательно, также несет в себе институциональные признаки.

В чем проблема рассмотрения инфорсмента? Почему его трудно исследовать и описывать, в отличие, например, от правил заключения договора? Причина в том, что инфорсмент формируется из некой части правил, принятых в разных сферах, в которых осуществляется деятельность участников: например, в экономике предприниматели взаимодействуют по поводу сделки, а принуждение может опираться на правила из неэкономических сфер (тоже, впрочем, институциональных). Необходимо подчеркнуть, что совокупность разных правил трудно поддается систематизации, к тому же их структура подвержена изменениям, иногда довольно быстрым. Причем эти изменения происходят, как правило, неравномерно. Так, А.Б. Тарушкин разъясняет, что «формальные правила допускают резкую одномоментную ломку, тогда как неформальные меняются лишь постепенно» [5, с. 35].

В литературе выделяют четыре вида инфорсмента. Рассмотрим их в порядке истори-

ческого развития и накопления практик. При этом отметим, что в настоящее время в деловой практике существуют все виды.

1. Самоинфорсмент (self-enforcement). Самоинфорсмент возможен при высокой степени неопределенности и оппортунизма предпринимательской среды, когда вероятность выполнения обязательств другими, альтернативными контрагентами будет ниже, чем существующими. Как правило, самоинфорсмент возникает между контрагентами, которые заинтересованы в соблюдении условий договора, они сами осуществляют контроль. В случаях нарушения договора контрагенты самостоятельно применяют санкции к партнеру для обеспечения выполнения контракта. При самоинфорсменте может возникать доверие между партнерами, а может и не возникать. В любом случае основой для выполнения контракта является ситуация, при которой смена партнера приведет к риску еще больших потерь.

2. Групповой инфорсмент (group enforcement). Используется в системе не парных, а групповых отношений. Группа может наложить санкции при нарушении двусторонних соглашений, если контрагенты являются участниками группы. Применяется профессиональными ассоциациями или саморегулируемыми организациями, в рамках которых неисполнение обязательств по договору накладывает на нарушителя особые санкции, в том числе исключение из ассоциации, что может быть равносильно потере бизнеса.

По предположению А. Грейфа, П. Мильгрма и Б. Вейнгаста, ассоциации (гильдии) купцов первоначально возникли как институты, осуществлявшие координацию ответных действий купцов по отношению к городам, которые нарушили условия соглашений о торговле [6, р. 753].

В.В. Радаев выделяет несколько взаимосвязанных функций, отражающих (суть) преимущества группового инфорсмента: 1) распространение общедоступной и конфиденциальной информации; 2) формирование репутаций; 3) установление доверительных отношений; 4) уменьшение степени неопределенности; 5) оказание взаимопомощи на формальной и неформальной основе; 6) снижение трансакционных издержек, связанных с взаимодействием с незнакомыми партнерами [7, с. 12].

В рамках группового инфорсмента применяется два вида санкций: 1) социальное осуждение, или потеря репутации; 2) исключение из

группы, или остракизм. По мнению некоторых авторов, данные санкции действенны в случае, когда предприниматель не может осуществлять деятельность без группы (ассоциации). Взаимоотношения внутри ассоциации изначально регулировались в большей степени неформальными правилами, поэтому предприниматель и его интересы фактически полностью зависели от нее. Позднее, когда остракизм стал менее действенным, ассоциации сосредоточили санкции на осуждении участника с целью влияния на его репутацию, тем не менее для предпринимателя сохранялась зависимость от группы. Я.И. Кузьминов замечает относительно силы влияния ассоциаций предпринимателей на своих членов: «Чем прочнее и интенсивнее социальные связи, тем действеннее такие санкции и, соответственно, тем сильнее влияние неформальных правил» [1, с. 87].

При дальнейшем развитии общества социальные связи начинают ослабевать и, соответственно, уменьшается влияние групповых правил. При этом увеличиваются издержки коллективных действий, а сами отношения перестают быть безальтернативными. Нарушитель правил, исключенный из группы, может самостоятельно построить новые деловые связи за пределами этой группы. Наличие альтернативы новым отношениям способствует ослаблению существующих неформальных правил. В этом случае «более важную роль начинают играть формальные правила, санкции за нарушение которых носят организованный характер и не зависят от социальных связей» [там же, с. 87–88]. Как следствие, влияние государства увеличивается, поскольку именно оно устанавливает и формальные правила, и санкции за их нарушение.

3. Государственный инфорсмент (state enforcement). Реализуется через юридическую систему, в рамках которой законодательная и исполнительная власть регламентирует права собственности и осуществляет надзор за их соблюдением, а судебная власть разбирает и выносит решения при возникновении конфликтов.

4. Частный инфорсмент (private enforcement). Частные формы инфорсмента появляются в случае, когда применение санкций за нарушение правил в рамках группового и государственного инфорсмента не ведет к снижению транзакционных издержек, а неопределенность в деловых отношениях увеличивается. Это происходит, когда формальные правила государственного инфорсмента не поддерживаются механизмом

принуждения нарушителей, а неформальные правила, принятые в деловой среде, фактически не соблюдаются. В этих условиях нарушители адаптируются к существующим формальным правилам и успешно используют их для уклонения от выполнения обязательств по договору. Такое нередко происходит, если репутация в этой среде не имеет решающего влияния, если низки барьеры входа и выхода между сферами бизнеса (рынками) и предприниматель может с минимальными потерями уйти от воздействия группового инфорсмента.

Государственный инфорсмент осуществляется через разбирательства в судах, где фиксируются формальные нарушения обязательств, а также с привлечением службы судебных приставов, которая должна обеспечить исполнение решения суда. Однако существующие формальные правила принуждения имеют ограничения, позволяющие нарушителю (контрагенту по договору) уклоняться от возмещения ущерба или погашения долгов. Отсутствие или неэффективность формальных механизмов принуждения участники сделок пытаются компенсировать с помощью частного инфорсмента.

В результате появляются специальные структуры или частные лица, не связанные напрямую ни с государственными органами, ни с бизнес-сообществом, которые предлагают свои способы решения коммерческих споров и обеспечения выполнения договорных обязательств. Такие предложения принимают форму услуг, т.е. предполагают обмен благами — решение проблем (снижение транзакционных издержек) в обмен на деньги (или имущество). По определению К. Лавлока, услуга — это «вид экономической деятельности, создающей ценность и обеспечивающей определенные преимущества для потребителей... в результате... действий, направленных на получателя услуги или его имущество» [8, с. 34].

В России такие услуги появились сразу при возникновении рыночных условий хозяйствования и формализации частной собственности, а их развитие и трансформация продолжают до настоящего времени. В начале 90-х гг. XX столетия появляются первые нормативные документы, регламентирующие деятельность экономических субъектов на свободном рынке. Многие нормы в этих документах были заимствованы из законодательных актов других развитых стран. Как пишет М.И. Одинцова, в отличие от «формальных правил, механизмы принуждения не

поддаются заимствованию; очень редко их удается заимствовать в готовом виде, в основном приходится создавать самим» [9, с. 55]. Фактически частный инфорсмент создавался во многом стихийно с применением разных практик, заимствованных из неэкономической деятельности. Проблемы формирования частного инфорсмента в России отражены в работах А.Д. Радыгина, Р.М. Энтова и И.В. Межеераупса [10; 11], а также Р.И. Капелюшникова [12].

Специальные структуры или частных лиц, предоставляющих услуги частного инфорсмента, стали называть силовыми предпринимателями, которые оформились по-разному в зависимости от организационно-правовой формы и специфики деятельности: службы безопасности предприятий; частные охранные предприятия; частные компании, предоставляющие услуги экономической безопасности бизнеса, и т.п. Основные услуги, которые предоставляются силовыми предпринимателями, — это обеспечение безопасности, информационная поддержка, обеспечение прав собственности, в том числе контроль за соблюдением договорных обязательств и возврат долгов, разрешение коммерческих споров и т.д.

По мнению В.В. Волкова, силовое предпринимательство основано на «умелом коммерческом использовании организованной силы и информации» [13, с. 133]. Действительно, для того чтобы заставить кого-либо выполнять правила, необходимо принуждение, которое может определяться как «достоверная угроза» и «способность налагать издержки разнообразными методами — нагрубить, использовать физическую силу» [9, с. 57]. В.В. Радаев считает, что принуждение, или принудительное воздействие (coercive pressures), «создает условия, при которых выбор... существенно ограничен или практически отсутствует, а их действие подкреплено угрозой насилия» [7, с. 16].

Как правило, деятельность силовых предпринимателей регулируется формальным правом, однако в своей работе с конфликтующими сторонами они могут применять к нарушителям незаконные способы принуждения. В.В. Волков, анализируя деятельность силовых предпринимателей, приходит к выводу, что в услугах частного инфорсмента могут содержаться элементы явного или скрытого принуждения [13, с. 77]. Если в методах принуждения используются противоправные действия, то вполне вероятно, что за услугами скрывается вымогательство.

В.В. Волков определяет вымогательство как специфические условия, в рамках которых «нет возможности выбора поставщика, а есть принуждение к покупке». При этом сама покупка таких услуг становится «во многом фиктивна, так как сам производитель... является в то же время и источником угрозы» [13]. Автор также обращает внимание на то, что в практике силовых предпринимателей присутствует «размытость границ между вымогательством и предоставлением действительных услуг» [там же, с. 200].

Ч. Тилли предлагает разделить вымогательство и предоставление действительных услуг следующим образом: «Индивид, производящий одновременно и угрозу, и защиту от нее, является рэкетиром; тот, кто предоставляет требуемую защиту, но имеет очень слабый контроль за появлением угроз, может быть определен как легитимный защитник, особенно если цена его услуг не выше, чем у конкурентов» [14]. В.В. Волков выделяет еще один критерий вымогательства — это деятельность, которая «искусственно» создает транзакционные проблемы [13, с. 134]. Таким образом, вымогатели создают риски коммерческой деятельности для тех компаний, у которых они отсутствовали. Если же говорить о предоставлении действительных услуг, то силовые предприниматели в большей степени нацелены на сбор информации о потенциальных партнерах своих клиентов, а также на предоставление гарантий безопасности, нежели на применение санкций к нарушителям. Т. Фрихе и А. Таббач подчеркивают, что перенос усилий от наложения санкций к предупреждению проблем и к гарантиям способствует проявлению превентивной функции инфорсмента, а сама деятельность может определяться как «услуги превентивного инфорсмента» [15, р. 10].

Частный инфорсмент при определенных условиях может выступать в качестве инструмента деятельности криминальных структур. Об этом говорится в работе С.П. Шевцова [16]. Не так давно, в начале 90-х гг. прошлого столетия, не существовало механизма правовой защиты предпринимательской, банковской и иной коммерческой деятельности. Механизм правового регулирования отношений в области бизнеса имел серьезные проблемы и не был эффективным в тот период. Пробелы в законодательстве, неэффективность правоохранительной деятельности, недоверие населения к официальным способам правовой защиты привели к развитию криминальных способов решения проблем.

В организованных преступных группах, сообществах всегда находилось место для преступников, которые занимали определенную нишу в иерархии криминальной организации и специализировались на вопросах частного инфорсmenta. В целях обеспечения выполнения договорных обязательств (в некоторых случаях эти обязательства налагались под принуждением) криминальные структуры занимались вымогательством.

Преступная деятельность с течением времени меняется — как количественно, так и качественно. Способы совершения вымогательства в настоящее время иногда крайне сложно отличить от предпринимательской или иной легитимной деятельности [17]. Вымогатели 1990-х гг. считали себя рэкетирами и практиковали примитивные способы совершения преступлений, например такие, как получение денежных средств за «покровительство» [18, с. 288]. Это «покровительство» подразумевало защиту бизнеса от притязаний извне, со стороны других криминальных структур. Современные вымогатели меняют даже этимологическую составляющую, и сейчас их не называют рэкетирами. Они уходят в легальный бизнес и маскируются в том числе под частный инфорсмент, называя себя предпринимателями или бизнесменами. Как правило, их деятельность многогранна и сопряжена с инвестиционной работой, частной охранной деятельностью, оказанием юридических услуг и пр.

Для исследования проблемы частного инфорсmenta с криминологических позиций считаем значимым выявление причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний. К числу таковых деяний следует относить не только те преступления, которые посягают на собственность, но и иные преступления в сфере экономической деятельности. Поэтому частный инфорсмент может быть связан не только с вымогательством, но и с незаконным предпринимательством, незаконной банковской деятельностью, неправомерным оборотом средств платежей и другими общественно опасными деяниями.

Мнения некоторых ученых сводятся к тому, что указанные преступления связаны с несовершенством законодательства, а также с низким уровнем правосознания и экономической грамотности участников отношений [19–21]. Это, несомненно, является хорошей питательной средой для формирования конкретных причин

и условий совершения преступлений. Однако законодательство совершенствуется, правосознание и экономические знания меняются, а частный инфорсмент заметных изменений за последнее время не проявляет.

Нами выделены причины, по которым участники правоотношений не прибегают к цивилизованным формам защиты своих прав (прежде всего экономических) в сфере государственного инфорсmenta.

Во-первых, отношения в сфере частного инфорсmenta не имеют сроков давности. Установленные законодательством Российской Федерации сроки исковой давности и давности привлечения к уголовной ответственности строго регламентированы. К тому же значительная часть преступлений в сфере экономики не относится к категории тяжких и особо тяжких, соответственно, и сроки привлечения лиц к уголовной ответственности не превышают двух и шести лет по категориям.

Во-вторых, услуги частного инфорсmenta не обременены официальной статистикой. Существует особая категория участников отношений в сфере частного инфорсmenta, желающих оставаться инкогнито. Это жертвы семейных измен, недобросовестные предприниматели, представители теневого бизнеса. Мы никогда не узнаем о латентных вымогательствах, о неофициальных сделках в Интернете с их участием и т.д. Частные услуги привлекают не только лиц, которые становятся жертвами частного инфорсmenta, но и тех, кто эти услуги оказывает.

В-третьих, частный инфорсмент не имеет четкой, регламентированной процедурной составляющей. Соответственно, деятельность в сфере оказания подобных услуг зачастую выходит из правового поля и приобретает противоправный характер, а в некоторых случаях содержит признаки преступления.

Таким образом, можно резюмировать, что услуги частного инфорсmenta играют определенную положительную роль в предупреждении нарушений в сфере экономических отношений, поскольку «возвращают» участников к соблюдению установленных правил и «оберегают» от соблазна девиантного поведения, что, несомненно, поддерживает эффективность экономической и социальной жизни страны [22; 23]. В то же время необходимо отметить, что сами субъекты услуг частного инфорсmenta могут становиться нарушителями закона, в том числе и уголовного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьминов Я.И. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты : учебник / Я.И. Кузьминов, К.А. Бендукидзе, М.М. Юдкевич. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. — 443 с.
2. Панфилова Е.А. Классификация инфорсментов в системе институциональных отношений / Е.А. Панфилова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2015. — № 2. — С. 107–116.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А.Н. Нестеренко. — М. : Фонд экон. кн. «Начала», 1997. — 180 с.
4. Попов Е.В. Эволюция институтов миниекономики / Е.В. Попов. — М. : Наука, 2007. — 542 с.
5. Тарушкин А.Б. Институциональная экономика : учеб. пособие / А.Б. Тарушкин. — СПб. : Питер, 2004. — 368 с.
6. Greif A. Coordination, commitment and enforcement: the case of the merchant guild / A. Greif, P. Milgrom, B. Weingast // Journal of Political Economy. — 1994. — Vol. 102, iss. 4. — P. 745–776.
7. Радаев В.В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / В.В. Радаев. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2001. — 77 с.
8. Лавлок К. Маркетинг услуг: персонал, технология, стратегия / К. Лавлок ; пер. с англ. Т.В. Безвенюк. — М. : Вильямс, 2005. — 1008 с.
9. Одинцова М.И. Институциональная экономика / М.И. Одинцова. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. — 386 с.
10. Радыгин А. Инфорсмент прав собственности и контрактных обязательств / А. Радыгин, Р. Энтов // Вопросы экономики. — 2003. — № 5. — С. 83–100.
11. Радыгин А.Д. Проблемы правоприменения (инфорсментов) в сфере защиты прав акционеров / А.Д. Радыгин, Р.М. Энтов, И.В. Межерауц. — М. : Ин-т экономики переход. периода, 2002. — 158 с.
12. Капелюшников Р.И. Экономические очерки. Методология, институты, человеческий капитал / Р.И. Капелюшников. — М. : Изд-во Высш. шк. экономики, 2016. — 574 с.
13. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ / В.В. Волков. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. — 352 с.
14. Tilly Ch. War making and state making as organized crime / Ch. Tilly // Bringing the State back / eds. P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1985. — Chap. 5. — P. 169–191.
15. Friehe T. Preventive enforcement / T. Friehe, A.D. Tabbach // International Review of Law and Economics. — 2013. — Vol. 35, iss. C. — P. 1–12.
16. Шевцов С.П. Метаморфозы права. Право и правовая традиция / С.П. Шевцов. — М. : Изд-во Высш. шк. экономики, 2014. — 408 с.
17. Blackburn K. A theory of organized crime, corruption and economic growth / K. Blackburn, K.C. Neanidis, M.P. Rana // Economic Theory Bulletin. — 2017. — Vol. 5. — P. 227–245.
18. Расследование преступлений повышенной общественной опасности / под ред. А.И. Дворкина, Н.А. Селиванова. — М. : Лига Разум, 1998. — 444 с.
19. Гармаш А.М. Низкий уровень предпринимательской культуры как одна из причин предпринимательской преступности / А.М. Гармаш // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 5. — С. 143–146.
20. Саламов А.Х. Специфика причинности вымогательства / А.Х. Саламов // Вестник Московского университета МВД России. — 2008. — № 9. — С. 116–117.
21. Чхвимиани Э.Ж. Причины совершения вымогательств и социально-правовая характеристика вымогателей / Э.Ж. Чхвимиани // Общество и право. — 2010. — № 3 (30). — С. 183–187.
22. Eggertson T. Economic behavior and institutions / T. Eggertson. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1990. — 385 p.
23. Olson M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups / M. Olson. — Cambridge : Harvard Univ. Press, 1965. — 216 p.

REFERENCES

1. Kuzminov Ya.I., Bendukidze K.A., Yudkevich M.M. *Kurs institutsional'noi ekonomiki: instituty, seti, transaktsionnye izderzhki, kontrakty* [A Course in Institutional Economy: Institutes, Networks, Transaction Expenses, Contracts]. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 2006. 443 p.
2. Panfilova E.A. Enforcement classification in the system of institutional relations. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Governance. Research Essays*, 2015, no. 2, pp. 107–116. (In Russian).
3. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 152 p. (Russ. ed.: North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Moscow, Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala» Publ., 1997. 180 p.).
4. Popov E.V. *Evolutsiya institutov miniekonomiki* [The Evolution of Mini-Economy Institutes]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 542 p.
5. Tarushkin A.B. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economy]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2004. 368 p.
6. Greif A., Milgrom P., Weingast B. Coordination, commitment and enforcement: the case of the merchant guild. *Journal of Political Economy*, 1994, vol. 102, iss. 4, pp. 745–776.
7. Radaev V.V. *Novyi institutsional'nyi podkhod i deformalizatsiya pravil v rossiiskoi ekonomike* [A new institutional approach and de-formalization of rules in Russian economy]. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 2001. 77 p.
8. Lovelock Ch. *Services Marketing: People, Technology, Strategy*. 4th ed. New Jersey, Prentice Hall, 2001. 1980 p. (Russ. ed.: Lovelock Ch. *Marketing uslug: personal, tekhnologiya, strategiya*. Moscow, Vil'yams Publ., 2005. 1008 p.).
9. Odintsova M.I. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economy]. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 2007. 386 p.
10. Radygin A., Entov R. Enforcement of property rights and contract obligations. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2003, no. 5, pp. 83–100. (In Russian).

11. Radygin A., Entov R., Mezheraups I.V. *Problemy pravoprimereniya (inforsementa) v sfere zashchity prav aktsionerov* [Issues of Law Enforcement in the Sphere of Protecting Shareholders' Rights]. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2002. 158 p.
12. Kapelyushnikov R.I. *Ekonomicheskie ocherki. Metodologiya, instituty, chelovecheskii kapital* [Economic Essays. Methodology, Institutions, Human Capital]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2016. 574 p.
13. Volkov V.V. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Security Forces' Entrepreneurship. 21st Century: Economic and Sociological analysis]. 3rd ed. European University at Saint Petersburg Publ., 2012. 352 p.
14. Tilly Ch. War making and state making as organized crime. In Evans P.B., Rueschemeyer D., Skocpol T. (eds.). *Bringing the State back*. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, chap. 5, pp. 169–191.
15. Friehe T., Tabbach A.D. Preventive enforcement. *International Review of Law and Economics*, 2013, vol. 35, iss. C, pp. 1–12.
16. Shevtsov S.P. *Metamorfozy prava. Pravo i pravovaya traditsiya* [Metamorphosis of Law. Law and Legal Tradition]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 408 p.
17. Blackburn K., Neanidis K.C., Rana M.P. A theory of organized crime, corruption and economic growth. *Economic Theory Bulletin*, 2017, vol. 5, pp. 227–245.
18. Dvorkin A.I., Selivanov N.A. (eds.). *Rassledovanie prestuplenii povyshennoi obshchestvennoi opasnosti* [Investigating the Crimes of High Public Danger]. Moscow, Liga Razum Publ., 1998. 444 p.
19. Garmash A.M. The low level of entrepreneurial culture as a cause of entrepreneurial crime. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2012, no. 5, pp. 143–146. (In Russian).
20. Salamov A.Kh. Specific causes of racketeering. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2008, no. 9, pp. 116–117. (In Russian).
21. Chkhvimiani E.Zh. Causes of racket and the socio-legal characteristic of racketeers. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 3 (30), pp. 183–187. (In Russian).
22. Eggertson T. *Economic behavior and institutions*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 385 p.
23. Olson M. *The logic of collective action: public goods and the theory of groups*. Cambridge, Harvard University Press, 1965. 216 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Полякова Нина Владимировна — профессор кафедры менеджмента, маркетинга и сервиса Байкальского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: polyakovaNV@bgu.ru.

Поляков Владимир Владимирович — доцент кафедры менеджмента, маркетинга и сервиса Байкальского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: vla88701858@yandex.ru.

Кряжев Владимир Сергеевич — доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: kryagevvs@mail.ru.

Кряжева Алена Павловна — доцент кафедры банковского дела и ценных бумаг Байкальского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: Kryazheva.Alena68@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Полякова Н.В. Услуги частного инфорсменты — превентивная роль или криминогенный фактор преступлений в сфере экономики (социально-экономический и правовой анализ) / Н.В. Полякова, В.В. Поляков, В.С. Кряжев, А.П. Кряжева // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 3. — С. 330–337. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).330-337.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polyakova, Nina V. — Professor, Chair of Management, Marketing and Service, Baikal State University, Doctor of Economics, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: polyakovaNV@bgu.ru.

Polyakov, Vladimir V. — Ass. Professor, Chair of Management, Marketing and Service, Baikal State University, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: vla88701858@yandex.ru.

Kryazhev, Vladimir S. — Ass. Professor, Chair of Criminalistics, Forensic Inquiries and Legal Psychology, Law Institute, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: kryagevvs@mail.ru.

Kryazheva, Alena P. — Ass. Professor, Chair of Banking and Securities, Baikal State University, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: Kryazheva.Alena68@mail.ru.

FOR CITATION

Polyakova N.V., Polyakov V.V., Kryazhev V.S., Kryazheva A.P. Private enforcement services — a preventive or a criminogenic factor for economic crimes (a socio-economic and legal analysis). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 330–337. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).330-337. (In Russian).